

ПЕРЕЛИСТЫВАЯ ПРОШЛОГО СТРАНИЦЫ. К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И. А. АНЦУПОВА

– Ты историк.

Элизабет Костова. Историк, 2005 г.

Он умер, подымая бивни,
Опять на небе виден Хорс.
Его живого знали ливни —
Теперь он глыба, он замерз.

Велимир Хлебников, 1919 г.

В Молдове часто случаются землетрясения. Они всегда приходят неожиданно, как зачастую и смерть человека. Так вышло, что в ночь с 27 на 28 октября 2004 г. два этих события совпали. Землетрясение буквально возвестило уход из жизни историка Ивана Антоновича Анцупова (1920–2004).

И. А. Анцупов занимает достойное место среди плеяды историков Молдовы второй половины XX – начала XXI в.¹ В научной среде редко, но встречаются исследователи, которые, не имея особенных званий и регалий, негласно считаются академиками среди своих коллег. Наверное, это самая достойная оценка личности, которую может ожидать специалист от соратников по «цеху».

Иван Антонович родился в крестьянской семье в с. Дубовое Чаплыгинского района Липецкой области 3 августа 1920 г. Окончив семилетку в родном селе, поступил в педагогическое училище. Когда грянула Великая Отечественная война, он работал в с. Дубовое, откуда в 1941 г. и был призван в Красную армию. Воевал, тяжело воевал. Во время форсирования Днепра, в боях за Киев, был ранен. Несколько раз в жизни Иван Анцупов был на волосок от гибели. О таких еще говорят: «В рубашке родился».

Вообще, как большинство ветеранов, Иван Антонович был очень скуп на рассказы о той тяжелой военной доле, которая выпала людям его поколения. Несмотря на большую разницу в возрасте, я был с ним в добрых, дружеских отношениях. Наверное, благодаря этому во время одной из встреч с Иваном Антоновичем у него дома он неожиданно рассказал случай своего чудесного спасения во время ранения. Он со своей частью форсировал Днепр и был тяжело ранен в живот, когда выскакивал из лодки на берег. Анцупов вспоминал: «Огонь был страшный. Все кругом полыхало. Наших там полегло очень много. Мне повезло. Меня ранили прямо у воды. Поэтому, когда приплыли санитары, меня ползком втащили в

лодку и перевезли на другой берег. Рядом, но чуть дальше, лежал другой раненый, его тоже можно было спасти, но санитары не решились ползти к нему под ливневым огнем. Я был ранен в живот. Вообще на фронте с такими ранами практически не выживали... Уже в лодке, придя в себя, я услышал, как один санитар сказал другому: „Зря мы его взяли, не жилец он!“». Но путеводная звезда Анцупова распорядилась иначе, он выжил, вопреки всем обстоятельствам!

В том, что у этого человека была путеводная звезда, можно не сомневаться, узнав об еще одном случае его чудесного спасения. Это случилось до войны. После окончания педучилища Анцупов некоторое время работал в Амурской области. Возвращаясь домой, Иван Антонович оказался в поезде с амнистированными. Он рассказывал: «Наверное, во всем поезде я один был не из зоны». А далее ситуация разворачивалась следующим образом. Ему шепнули, что он не доедет до пункта назначения, если не задобрит пахана подарком. Благо у него в полупустом чемодане лежала новая сорочка, которую он и передал по назначению, получив в ответ удовлетворение от полученного презента и разрешение мирно проследовать дальше.

Наша дружба началась для меня очень неожиданно. Это был 1996 год, я только что окончил аспирантуру в Киеве и вернулся в родной институт. В том году Иван Антонович завершил рукопись книги «Русское население Бессарабии и Левобережного Поднепровья в конце XVIII – XIX вв.» (Анцупов 1996). Так вышло, что мое возвращение в Кишинев совпало с ее обсуждением. Для меня было полной неожиданностью, когда директор нашего Института межэтнических исследований Константин Федорович Попович обратился с просьбой познакомиться с рукописью ученого и высказать свое мнение на коллективном обсуждении. Признаюсь, я тогда очень растерялся. Читать рукопись мэтра и высказывать свои соображения, даже замечания! Мыслимо ли это?..

Я работал тогда с рукописью Ивана Анцупова пять дней. Настолько переживал за качество своего выступления на обсуждении, что при работе с текстом у меня оставалось лишь несколько часов на сон. Теплые и откровенные слова благодарности Ивана Антоновича, с его навсегда запоминающейся доброжелательной улыбкой останутся у меня в памяти навечно. Он оценил внимательное прочтение и высказанные соображения. Так мы сблизились...

В 1946 г. орденосеца капитан Иван Анцупов уволился из рядов Советской армии и поступил в Тираспольский учительский институт. В Бендерах он познакомился со своей будущей супругой Ксенией Николаевной Дорошенко (Челкак – гречанкой по происхождению). Несколько лет спустя, в 1951 г., они расписались.

В 1947–1952 гг. Иван Анцупов обучался в Кишиневском университете, окончив его с отличием. После завершения университета Иван Антонович преподавал историю в бендерской школе. Через два года он поступил в аспирантуру Кишиневского университета, где начал работу над диссертацией под руководством первого президента молдавской академии наук Я. С. Гросула. Защитил диссертацию по аграрным отношениям в Бессарабии XIX в. С 1965 по 1 января 1991 г. работал в Институте истории Академии наук Молдавской ССР.

Так как при написании своих трудов И. А. Анцупов использовал статистические, экономические и промышленные данные, за период своего творчества он 18 раз ездил в Москву на сессии, которые рассматривали вопросы по аграрной истории. По воспоминаниям Ивана Федоровича Грека, Анцупову принадлежит важная мысль, характеризующая профессионального исследователя: «Архивные источники, – считал он, – это лицо историка-первооткрывателя, но без знания им историографии проблемы – это лицо неуча» (Грек 2013: 8).

Действительно, как отмечает в своих воспоминаниях заведующая сектором «Этнология русских» (ранее – Отдел истории, языка и культуры русского населения Молдовы) Татьяна Викторовна Зайковская, «достаточно поработать в архиве, для того, чтобы понять, как трудился И. А. Анцупов. Практически в каждом деле, с которым сталкиваешься, стоит пометка, что с ним в свое время знакомился Иван Антонович. Причем очень часто его фамилия вообще единственная»². Здесь следует добавить, что помимо добротного проработанных архивов Кишинева И. А. Анцупов серьезно «перелопатил» архивы России и Украины, великолепно разбирался в историографии.

За советский период он подготовил большое

число научных статей, участвовал в ряде солидных коллективных работ и обобщающих трудов (Русин 2005: 7). В эти годы выходит ряд серьезных монографий исследователя, не утративших своего научного значения вплоть до настоящего времени. Это «Государственная деревня в Бессарабии в XIX в.» (Анцупов 1966), «Аграрные отношения на юге Бессарабии. 1812–1870 гг.» (Анцупов 1978), «Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в.» (Анцупов 1981), «Крестьяне левобережного Поднестровья в дореформенный период» (Анцупов 1990).

Внимательный читатель, наверное, заметил, что дистанция в выходе названных книг достаточно солидная, что лишней раз подчеркивает важность подготовительной работы, прежде всего накопления и осмысления первичного материала, только после этого можно говорить о качественной монографии, которую будет читать не одно поколение исследователей.

В советское время историки, в основной своей массе, за малым исключением, писали значительно меньше, нежели сегодня. Причин тому можно выделить несколько. Ну, во-первых, был другой, более размеренный ритм жизни, что сказывалось и на творческом процессе. А еще в советской исторической науке очень долго шел процесс накопления материала. Встретить историка, защитившего кандидатскую диссертацию до сорока лет, было большой редкостью. Ну, а докторские вообще зачастую защищались к пятидесяти пяти – шестидесяти годам. Во-вторых, не хотелось бы, чтобы создалось впечатление, что автор данной публикации взялся ностальгировать о прошлом, отнюдь, просто тогда соблюдался неписанный закон научной сферы: ученый должен больше читать и... меньше писать. А если уж взялся что-либо освещать, будь добр – гарантируй качество. Да, конечно, была своего рода цензура: рукопись должна была пройти несколько серьезных, неформальных «чистилищ» – научного редактора, рецензентов, ученый совет. Конечно, были и идеологические клише. Как и в других сферах деятельности, в науке того времени руководство часто перестраховывалось и помещало в план изданий те рукописи, которые уже были абсолютно готовы – вычищены и выверены. В немалой степени и этим объясняется столь значительный разрыв между выходами в свет первых научных монографий Ивана Антоновича.

Так устроен человек, что большую часть своей активной жизни он проводит на работе. Вспоминая старшего коллегу, я меньше всего хотел бы, чтобы данная публикация напоминала сухую кадровую информацию об ушедшем в мир иной.

Поэтому, представляя отдельные биографические данные из жизни Ивана Антоновича, перемежая их личными воспоминаниями и воспоминаниями коллег, думаю, что будет логично познакомить читателя с комментариями и характеристиками отдельных трудов Ивана Антоновича.

Анцупов И. А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. (Анцупов 1981)

В монографии освещается развитие производительных сил Бессарабии в XIX в. и формирование сельскохозяйственного рынка. Основное содержание книги отражает место Бессарабии на рынках мира и в России.

Автор исследует отраслевые рынки, связанные с сельскохозяйственным производством, изменения в динамике формирования внутреннего рынка сельскохозяйственной продукции, различные аспекты и элементы рынка, сложные рыночные отношения, влияние на отраслевые рынки экспортно-импортных отношений.

Он справедливо и доказательно констатирует, что во второй половине XIX в. в валовом производстве и ассортименте местного товарооборота и экспортных поставок на первое место выдвинулись хлеб и другие продукты земледелия. Как и современники второй половины XIX столетия, исследователь отмечает интенсификацию сельхозпроизводства и переход к углубленной специализации, укрепление межотраслевого взаимодействия.

И. А. Анцупов останавливает внимание на развитии путей сообщения, что способствовало более оперативному трафику сельхозпродукции. В частности, этому благоприятствовало строительство железнодорожных путей сообщения, речного транспорта, способствуя взаимодействию сельскохозяйственных районов с крупными торговыми и промышленно-городскими зонами страны, «обеспечив участие Бессарабии в торговле на обширном рынке России – особенно по сбыту плодов, вина, винограда, технических культур, хлеба, разнообразной продукции животноводства». Но еще до оформления этой инфраструктуры в Бессарабии, благодаря ее компактности, была отлажена бесперебойная транспортировка грузов от Могилева-Подольского до Одесского порта, чему способствовали разного рода подрядчики, скупавшие у населения необходимую продукцию на местах и отправлявшие ее на лошадях в пункты дальнейшей транспортировки. Как-то в разговоре Иван Антонович констатировал: «Пойми, при изучении конъюнктуры рынка, в исторической динамике, важна каждая мелочь. Взять размеры Бессарабии и специфику сезонного садо-

водства. Заметь, пока не появились железные дороги, сельхозпродукцию перевозили на лошадях, но не на волах, как на Украине. Лошадь мобильнее и ест меньше, последнее тоже немаловажно, с учетом размеров края и дефицита площадей для выпаса...» Вот как важна логика рассуждений по ходу осмысления исторических фактов!

Автор доказательно продемонстрировал, что к концу XIX в. до 40% зерна из Бессарабии вывозилось на заграничные рынки. Таким образом, край по хлебному экспорту превосходил многие губернии, поскольку по Европейской России он равнялся 13–13,5% от валового сбора. То есть Бессарабия по зерновому показателю была довольно активно вовлечена в западно-европейский капиталистический рынок, «а по отношению доли вывоза к валовому сбору зерна занимала одно из первых мест среди губерний страны». Но, как подчеркнул исследователь, более доступным был всероссийский рынок. По данным И. А. Анцупова, единый зерновой рынок в крае (как часть всероссийского рынка) оформился в самом конце XIX в., после завершения строительства железных дорог, что позволило создать взаимосвязанную рельсовую сеть с узлами в Бендерах, Бельцах, Окнице, Ларге, а также с тремя выходами за Днестр и тремя – в Румынию и Австро-Венгрию.

Показательно представлено автором высоко-товарное значение кукурузы, производимой в Бессарабии. По сведениям за 80-е гг., на рынок поступало более 2/3 от чистого сбора этого сельхозпродукта, в том числе свыше пятой части вывозилось на заграничные рынки. «Россия, – продемонстрировал Анцупов, – в этом отношении уступала лишь США. Бессарабия была главным поставщиком товарной кукурузы из России на внешний рынок».

Отдельно автор остановился на рассмотрении сбыта высокоценных товаров – винограда и вина, различных плодов, в свежем и сушеном виде, овощей и бахчевых, масличных и технических культур. Причем на всероссийском рынке Бессарабия выступала в качестве одного из главных поставщиков сушеных плодов. Это при том, что в указанный период заводского консервирования овощей вообще не было. В приведенных материалах обращается внимание на то, что к концу XIX в. Бессарабия поставляла на внутророссийский и мировой рынки довольно многочисленный ассортимент сельхозпродукции, среди которой «продукция виноградарства, виноделия, огородничества, полеводства временами выдвигалась на ведущие места во всероссийском рынке».

В последние десятилетия XIX в. завершилось оформление единого мясо-сального рынка, в который оказалась полностью вовлечена Бессарабия.

Своим исследованием сельскохозяйственного рынка Бессарабии в XIX в. И. А. Анцупов продемонстрировал динамику капитализации края, его включение в механизмы межрегионального экономического взаимодействия как в составе Российского государства, так и в международных контактах. Несмотря на то, что рассматриваемая работа была написана молдавским историком задолго до перестройки в СССР, ее фактологичность и аргументированность способствуют ее востребованности в наши дни.

У человека, мало знакомого с Иваном Антоновичем Анцуповым, может возникнуть вполне закономерный вопрос: а отчего он, занимавшийся такой плодотворной научной деятельностью, так и остался в рядовых кандидатах наук, не построил карьеру, не поднялся? Вопрос вполне закономерный. И я, признаюсь, долго не решался задать его этому человеку. Но все же решился. Ответ Анцупова лишний раз подтвердил его глубокую интеллигентность. «Понимаешь, – сказал он, – я ведь так и не вступил в партию. А говорить о карьере беспартийного в идеологическом институте истории молдавской академии наук не приходилось!» Я тогда поинтересовался, отчего он – фронтовик, офицер, орденосец – не вступил в партию. Возможно, по идейным, иным соображениям? Анцупов ответил «Я просто считал, что еще не готов!»

Думается, Иван Антонович несколько недоговаривал. Многие коллеги, вспоминая И. А. Анцупова, отмечали его научную принципиальность. Как-то он поделился одним воспоминанием (он начинал рассказывать неожиданно, при этом часто сам себя останавливая). «Помню, приехал как-то исследователь из ГДР, хотел поработать в нашем архиве. Ну, его пустили, дали читать Кишиневские епархиальные ведомости – и все! Ну, разве так можно? Он мне позвонил, попросил помочь. Я с ним встретился поделился документами. Он же исследователь, а ему Епархиальные ведомости подсовывают! Этот немец мне потом несколько раз звонил, благодарил. А за ним (за немцем – В. С.), оказывается, следили. Потом меня долго майор госбезопасности к себе вызывал... Все выяснял, о чем мы с немцем говорили. А о чем могут два ученых разговаривать?»

Наивность и бессребреничество в жизни каким-то образом сочетались в нем с научной принципиальностью. Он буквально преображался во время научных дискуссий, отстаивал свою точку зрения, не обращая внимания на статус и звания оппонентов. Кто-то понимал это, а кто-то наоборот. В общем, сказать, что Анцупова окружали одни доброжелатели, было бы лукавством. Хотя

помогал он многим и абсолютно альтруистично – из любви к науке.

Когда человек уходит, он может стать символом. Все, конечно, зависит от масштабов личности. Чей-то след теряется сразу, после ухода в вечность, кто-то почитается среди самых близких. Публичные люди: политики, предприниматели, актеры, писатели, ученые, оставившие заметный след в жизни, обращают на свое творческое наследие внимание не одного поколения потомков.

То, что И. А. Анцупов – личность незаурядная, подтверждают его исследования, не только сохраняющие свою актуальность, но даже пользующиеся повышенным интересом современников к его научному наследию.

Как уже успел убедиться читатель, Анцупов – исследователь разносторонний. Он серьезно занимался аграрной историей (насколько позволяет объем данной статьи, отдельные наработки были представлены выше), к которой, следует подчеркнуть, еще обратятся исследователи.

Но так вышло, что последние десятилетия своей жизни Иван Антонович трудился в Институте национальных меньшинств (позже – межэтнических исследований). Тогда, словно подводя итоги, он особое внимание стал уделять оформлению монографических исследований. Как-то в разговоре он проронил фразу: «Вас еще ждут десятилетия. А мне остались годы. А еще так много хочется успеть... Книги писать нужно, книги, только они остаются!..»

Он и писал, с упоением, самопоглощением и особой увлеченностью, которая присуща только глубоко творческим людям.

Очень не терпел фальшь и непрофессионализм. Помню, как-то возмутился, что в современном кино показывают хорошо обмундированных, сытых бойцов времен последней мировой войны. «Не было такого! До сорок третьего в портянках воевали! Сапог не хватало. Представляешь, зимой, в портянках! Такого ни в одном фильме не покажут, а тут откормленные, в сапогах, каратисты. Часто бывало, что по приказу забрасывали Бог знает куда. Сидели по несколько суток. Какая там кухня! Пока кухня подъедет, ноги протянешь. Ели очень нерегулярно. Поэтому важно было в кармане сухарик иметь. Сидишь так в окопе, отщипываешь по чуть-чуть, чтобы на несколько дней хватило, так и тянули...».

Человек, конечно, большую часть жизни проводит на работе, но было бы неверным не сказать об Иване Антоновиче как об отце. В браке с Ксенией Николаевной у него родилось двое детей – Валентина и Сергей. Часто бывая у Ивана Антоновича, слышал звонки дочери (она тоже живет

в Кишиневе) с вопросами о самочувствии (Иван Антонович принципиально жил один). Разговаривая с дочерью, он отвечал очень тепло, но сразу подчеркивал свою занятость, буквально обрывал разговор. Присутствуя при этом, поневоле я винил себя в том, что Анцупов столь быстро прекращал беседу, считая, что тому виной мое присутствие.

Работая над рукописью данной статьи, я общался с Валентиной Ивановной и попросил охарактеризовать Ивана Антоновича не как ученого-историка, а как отца. «Он был замечательным папой, – подчеркнула Валентина Ивановна, – давал свободу детям, никогда не кричал. Его скромность в желаниях проявлялась в требованиях к детям».

Иван Антонович работал в Отделе истории, языка и культуры русского населения Молдовы, как отмечалось, ныне – сектор «Этнология русских» Центра этнологии Института культурного наследия.

Так сложилось, что после его ухода из жизни имя ученого стали соотносить, прежде всего, с историей русского населения края, которую он углубленно изучал, наряду с этнодемографическими и миграционными процессами в Бессарабии и на прилегающих к ней территориях.

Придерживаясь избранного пути краткого напоминания об отдельных работах автора, остановимся на двух его книгах, которые появились уже в 2000-е гг.

Проблематика книги И. А. Анцупова **Казачество российское между Бугом и Дунаем** (Анцупов 2000) становится понятной из самого названия монографии. В ней он рассмотрел процесс создания и становления на данной территории казачьих формирований, их социально-экономическое положение, структуру, связь казаков и местного населения, взаимоотношения между ними.

И все-таки уклон книг Ивана Антоновича, написанных в постсоветский период, выдает в нем историка социально-экономических процессов. Этнодемографическая составляющая, присутствующая в трудах исследователя, безусловно, дополняла труды автора, лишней раз подчеркивая богатую палитру поликультурного населения края в XIX – начале XX в.

Книга освещает становление и историческую судьбу казачьих формирований на юге Бессарабской области и в Днестровско-Бугском междуречье. Историческая судьба казачества на очерченных землях складывалась не просто. Социальная группа казаков в разное время выступала для царских властей опорой в решении фронтальных проблем, а за ненадобностью казачьи формирования расфор-

мировывались, перемешивались и переселялись. Все эти процессы затрагивали судьбы не только самих казаков, но и членов их семей, в целом различные стороны жизни отдельных регионов Бессарабии и сопредельных территорий. Специальное внимание автор уделяет социально-правовому положению этой особой группы населения края.

Автор обращает внимание на уникальное социальное положение казачества, которое характеризует как «парадоксальное», подчеркивая мысль, что «на фоне освобождения населения Бессарабской области от выполнения рекрутской повинности, на юге ее до конца 60-х гг. (с перерывами) существовали казачьи формирования – военно-хозяйственные поселения, обязанные служить по 20 и более лет в мирное и военное время. Преимущественно это были местные жители» (Анцупов 2000: 87).

Говоря об этническом составе населения, Иван Антонович констатирует его разную представленность. «В этническом составе Донского войска было преобладание русских, а в бывшей Запорожской Сечи, Новой Сечи и их ответвлениях (Черноморском, Азовском, Усть-Дунайском войсках) – украинцев (тут налицо историческая преемственность). Ряд других войск – Екатеринбургское, Вознесенское, Дунайское (Новороссийское), Бугское, Украинское – имели четко выраженный полиэтничный состав; такими они возникали и слагались» (Анцупов 2000: 10).

Специально останавливается он на таком местном феномене, как привлечение к казацкой службе, в частности, местного цыганского населения (Там же: 65-74). «С упразднением Новороссийского казачьего войска часть цыган мигрировала, некоторые обратились к прежним ремесленным занятиям, но многие остались в Фараоновке, Каире, Старокозачьем и других бывших станицах, т. е. не покинули казачью среду. Напомним, что они стали воинами и в период Крымской войны в большой массе (420 человек) взяли за оружие – в составе 3-го Дунайского полка несли боевую службу» (Там же: 73-74).

В книге **«Русские на Очаковской земле (Исторические очерки)** (Анцупов 2003) Иван Антонович продемонстрировал, что русское население, в основном, размещалось в городах, а живя в селениях, придерживалось своего этнического уклада жизни. Он уточнил, что русские входили в купечество и мещанство, в ряды государственных крестьян, казачьих формирований, среди них были отставные солдаты, матросы и младшие командиры, а в составе помещичьих крестьян их было немного. Автор отметил, что на Очаковской земле сформировались очаги с численным преоб-

ладанием представителей того или иного этноса – молдаван, русских, украинцев, немцев, болгар, армян. Характерной особенностью данного края было сочетание двух климатических зон – степной и морской. Первопроходцами в переселении на данную территорию были старообрядцы, которые по прибытии сюда формировали закрытые и почти обособленные замкнутые поселения.

В данном труде Иван Антонович дал свою классификацию городов, он их разделил по функциональному назначению и их хозяйственной направленности, а также уточнил этнический состав их населения. Автор выдвинул свою классификацию крестьянства, проживающего на данной территории.

«Все разряды крестьянства группировались в сельские общины. В русских общинах прослеживались прочные позиции многовековой традиции – в первую очередь дух коллективизма и круговой поруки, на которые они опирались в повседневной жизни. Особенно почитались традиции трудовой жизни. Через общину односельчане вступали в повседневные контакты и сотрудничество, хотя и жили обособленно – своими дворами» (Там же: 104).

Несколько моментов в труде И. А. Анцупов уделит вопросу вероисповедания городского населения.

Он отметил, что более распространенным было православие, но также наряду с ним действовали католицизм, протестантизм, григорианство, иудаизм, ислам (Там же: 136).

И. А. Анцупов дал характеристику купеческому населению, а затем персонально рассмотрел видных деятелей, предпринимателей и купцов – выходцев с Очаковской земли. Он отметил, что русское население активно участвовало во всех исторических процессах, протекавших на данной территории: в социально-экономическом развитии, общественном движении, развитии культуры и просвещения, в решении научных проблем (Там же: 171).

Творчество И. А. Анцупова интересно, прежде всего, своей исторической насыщенностью и авторской аргументацией, что свидетельствует о глубоком понимании автором поднимаемых и анализируемых проблем, чувствовании народной культурной традиции.

История населенных пунктов, персоналии, обильная фактология, впервые вводимая в научный оборот, делают чтение трудов И. Анцупова захватывающим, позволяют услышать дыхание эпохи, окунуться в то далекое, насыщенное событиями время... Изучаемая ученым территория представляла собой своеобразное пограничье оседлой и кочевой культур. Она оказалась убежищем

для «народной миграции», в том числе для многочисленных беглых из разных регионов Российской империи, которые хлынули в новый край в поисках лучшей доли. Одновременно в крае нарастала урбанизация, полностью изменившая его облик к концу XIX в. В книге документально представлен пример исторического бесконфликтного проживания представителей разных национальностей, объединенных общей исторической судьбой на Очаковской земле.

Когда случилось непоправимое, рядом оказались коллеги из сектора болгаристики того института, в котором работал Иван Антонович. Благодаря их участию архив ученого попал в Тараклию, в университет им. Г. Цамблака, который в тот момент как раз находился в стадии становления.

Пожилые люди часто сентиментальны. Не был исключением и Иван Антонович. В последние годы жизни он любил сажать цветы в маленьком палисаднике возле подъезда своего дома. Грустно шутил: «Наверное, пришло время быть ближе к земле!» Он ценил внимание, любил поговорить за чашкой какао (он очень любил этот напиток) с коллегами. Но иногда, под настроение, доставал из серванта бутылку водки и с хитрым прищуром обращался к собравшимся: «Ну что, мужики еще не перевелись?!»

Тогда, в последние годы жизни Ивана Антоновича, в общественном движении Молдовы возникла организация «Русь» под руководством С. Г. Суляка, ставившая своей целью не только изучение русинского населения в исторической ретроспекции, но и романтическую идею возрождения самосознания русинов в современной Молдове.

Свое отношение к данному проекту я уже высказал в моей монографии³, но речь не об этом. Новому движению нужен был патриарх. Анцупов подходил на все сто процентов. В силу своей широты взглядов, особенно когда речь шла о XIX столетии, когда в крае действительно ощущалось культурное наследие русинского населения, известного в регионе со времен Брестской унии и численно усиленного событиями XIX – начала XX в., в частности, в связи с движением австрийского контингента (Суляк 2014), ученый поддерживал развитие данного направления и после ухода из жизни остался его маяком.

Благодаря энергии и усилиям С. Г. Суляка с 2015 г. в Молдове проводятся «Чтения памяти И. А. Анцупова». С 2017 г. они проходят на базе Тараклийского университета им. Г. Цамблака, в котором преподает Сергей Георгиевич.

Так наследие Ивана Анцупова оказалось сосредоточенным на юге республики...

Кстати, с югом связана еще одна работа Ивана Антоновича. Символично, что один из первых обобщающих трудов по истории гагаузского народа в XIX столетии подготовил И. А. Анцупов совместно с Г. Н. Топузлу. Причем в данном тандеме он играл первую скрипку. Речь идет об **Очерках истории гагаузов в XIX в.** (Кишинев, 1993).

В книге на объемном архивном материале представлена история обретения гагаузами и другими задунайскими переселенцами новой родины, под названием Буджак. Обращается внимание на освоение степи, на социально-экономические отношения в крае, последствия Крымской войны 1853–1856 гг., по результатам которой десятки тысяч крестьян вынуждены были переселиться в Приазовье. В книге представлен ход и результаты государственных реформ 70-х гг. и их последствия, сказавшиеся на судьбах населения Буджака и Бессарабии в целом – становление и развитие капиталистических отношений, что способствовало этнической мобилизации в среде гагаузов края.

Книга И. А. Анцупова и Г. Н. Топузлу вышла в 1993 г., когда все постсоветское пространство училось жить в новых условиях построения независимых государств. Это было время этнокультурной ревитализации. Комментируя значение данной работы, этнолог-гагаузовед Д. Е. Никогло подчеркнула: «Это была, по сути, первая обобщающая работа по истории гагаузов XIX в. Она вышла в свет в особое время, переживаемое всем народом Молдовы, и гагаузами в том числе, время, когда в новых условиях осуществлялось становление молдавской государственности, параллельно с чем происходил процесс оформления гагаузской политической идентичности, что в скором времени вылилось в создание Гагаузии (Гагауз-Ери)».

В силу субъективных и объективных обстоятельств имя Анцупова, в отличие от многих достойных коллег по цеху, не кануло в Лету, не забылось, его творческое наследие продолжает вызывать интерес и внимание научной общности, особенно организованной «чтениями имени Анцупова». На них уже прозвучало немало достойных слов и воспоминаний его учеников и соратников (Грек 2013; Грек 2018; Зайковская 2004; Ионова 2006; Царанов, Жаркуцкий, Грек, Бабилунга, Млечко, Шорников, Суляк 2006; Червенков 2007). Всем им хочется высказать слова признательности за память и продолжение дела ученого.

В разговоре об Иване Антоновиче емко представила образ ученого его коллега по сектору – Ольга Андреевна Гарусова: «При воспоминании об Иване Антоновиче, с которым мы работали в одном секторе в трудные 90-е годы, возникает образ русского советского интеллигента – редкое

сочетание для историка прошлой эпохи. Исследователь академической выучки, ученый „милостью Божией”, щепетильно воспринимавший этическую составляющую профессии, легкий и доброжелательный человек, всегда готовый помочь молодым и неопытным коллегам, он предлагал тот стиль научного общения, вне которого живое дело костенеет. В сущности, он и был воплощением этого, ныне практически утраченного стиля».

Попытка коллег Института культурного наследия АН Молдовы увековечить имя ученого памятной доской на его доме не увенчалась успехом, в связи с реформами в самом институте и суетой нашей повседневности. Возможно, к данному вопросу коллеги еще вернуться. Кстати, несмотря на внимание к творческому наследию ученого, до сих пор остались не отраженными основные вехи жизни И. А. Анцупова на страницах народной энциклопедии в интернете.

Историк Иван Грек, называющий И. А. Анцупова своим учителем (Грек 2013: 8-11), справедливо подчеркнул: «Обращу внимание на еще одну черту характера Ивана Антоновича: его беззащитность перед людьми, которые, втираясь к нему в доверие, используя его профессиональные знания историка в своих интересах, поступали с ним самым постыдным образом, не считая нужным даже объяснить ему свои поступки. Один позволил себе поставить свою фамилию первой на титульном листе издания, посвященного проблеме, которой он вообще не занимался. Другой, в работу которого Иван Антонович вложил столько труда, что мог бы быть ее соавтором, снял его фамилию как научного редактора, поставив фамилию человека, вообще не имеющего представления о теме исследования. Третий внес свою фамилию в качестве научного редактора, не имея понятия о теме монографии Ивана Антоновича <...> (Там же: 10).

По метким словам дочери Ивана Антоновича, он «все принимал, как оно приходит». Однако известие об увольнении сильно пошатнуло здоровье ветерана и ускорило его уход в вечность. Хотя до последнего дня Анцупов продолжал писать и выступать на конференциях, оставался открытым для общения с коллегами. Я был у него буквально за несколько дней до печального события...

Примечания

¹ Автор выражает признательность коллегам: И. Ф. Греку, Т. В. Зайковской, О. А. Гарусовой, Д. Е. Никогло, дочери И. А. Анцупова – В. И. Ковальской (Анцуповой) за уделение времени воспоминаниям об Иване Антоновиче.

² Из беседы с доктором филологии Т. Зайковской, зав. сектором «Этнология русских» Центра

этнологии Института культурного наследия Министерства образования, науки и культуры Республики Молдова.

³ В работе В. П. Степанов «Грани идентичностей...» (2010) см. главу I. Крутовеи времени. Историко-этнологические штудии об украинцах Молдовы и далее.

Литература / References

Анцупов И. А. Аграрные отношения на юге Бессарабии (1812–1870 гг.). Кишинев: Штиинца, 1978. 235 с. / Ancupov I. A. Agrarnye otnosheniya na yuge Bessarabii (1812–1870 gg.). Kishinev: Shtiinca, 1978. 235 s.

Анцупов И. А. Государственная деревня Бессарабии в XIX веке. (1812–1870 гг.). Под ред. д-ра ист. наук П. Г. Рындзюнского; АН Молдавской ССР. Ин-т истории. Кишинев: Картя Молдовеняскэ, 1966. 262 с. / Ancupov I. A. Gosudarstvennaya derevnya Bessarabii v XIX veke. (1812–1870 gg.). Pod red. d-ra ist. nauk P. G. Ryndzyunskogo; AN Moldavskoi SSR. In-t istorii. Kishinev: Kartya Moldovenyaske, 1966. 262 s.

Анцупов И. А. Казачество российское между Бугом и Дунаем: [ист. очерк]. Кишинев: Центр. тип., 2000. 285 с. / Ancupov I. A. Kazachestvo rossijskoe mezhdū Bugom i Dunaem: [ist. ocherk]. Kishinev: Centr. tip., 2000. 285 s.

Анцупов И. А. Крестьяне Левобережного Поднестровья в дореформенный период. Отв. ред. И. И. Жаркуцкий; АН МССР, Ин-т истории им. Я. С. Гросула. Кишинев: Штиинца, 1990. 213 с. / Ancupov I. A. Krest'yane Levoberezhnogo Podnestrov'ya v doreformennij period. Otv. red. I. I. Zharkuckij; AN MSSR, In-t istorii im. Ya. S. Grosula. Kishinev: Shtiinca, 1990. 213 s.

Анцупов И. А. Русские на Очаковской земле. Исторические очерки. Кишинев, 2003. 171 с. / Ancupov I. A. Russkie na Ochakovskoj zemle. Istoricheskie ocherki. Kishinev, 2003. 171 s.

Анцупов И. А. Русское население Бессарабии и Левобережного Приднестровья в конце XVIII–XIX в. (соц.-экон. очерк). Акад. наук Молдовы, Ин-т нац. меньшинств. Кишинев: Инесса, 1996. 248 с. / Ancupov I. A. Russkoe naselenie Bessarabii i Levoberezhnogo Pridnestrov'ya v konce XVIII – XIX v. (soc.-ekon. ocherk). Akad. nauk Moldovy, In-t nac. men'shinstv. Kishinev: Inessa, 1996. 248 s.

Анцупов И. А. Сельскохозяйственный рынок Бессарабии в XIX в. Науч. ред. В. А. Золотов. Кишинев: Штиинца, 1981. 251 с. / Ancupov I. A. Sel'sko-hozyajstvennyj rynek Bessarabii v XIX v. / Nauch. red. V. A. Zolotov. Kishinev: Shtiinca, 1981. 251 s.

Грек И. Ф. Мой учитель. В: Русин, 2013, № 3(33), с. 8-11. / Grek I. F. Moj uchitel'. V: Rusin, 2013, № 3(33), s. 8-11.

Грек И. Ф., Руссев Н. Д. Многонациональное

население Бессарабии в исследованиях И. А. Анцупова и актуальные задачи изучения этнокультурных общностей Молдовы. В: Русин, 2018, № 51(1), с. 15-29. / Grek I. F., Russev N. D. Mnogonacionalnoe naselenie Bessarabii v issledovaniyah I. A. Ancupova i aktualnye zadachi izucheniya etnokulturnyh obshchnostej Moldovy. V: Rusin, 2018, № 51(1), s. 15-29.

Зайковская Т. В. Анцупов Иван Антонович. В: Ежегодник Института межэтнических исследований. Т. V, 2004, с. 174. / Zajkovskaya T. V. Ancupov Ivan Antonovich. V: Ezhegodnik Instituta mezhetnicheskikh issledovanij. T. V, 2004, s. 174.

Иван Антонович Анцупов (памяти ученого). В: Русин, 2005, № 1(1), с. 7-8. / Ivan Antonovich Ancupov (pamyati uchenogo). V: Rusin, 2005, № 1(1), s. 7-8.

Ионова И. Труды И. А. Анцупова как объект лингвистического исследования. В: Русин, 2006, № 4(6), с. 53-59. / Ionova I. Trudy I. A. Ancupova kak obiect lingvisticeskogo issledovania. V: Rusin, 2006, № 4(6), с. 53-59.

Степанов В. П. Грани идентичностей: Этно-гражданские процессы в среде национальных меньшинств Республики Молдова на примере украинского населения (1989–2009 гг.). Chişinău: „Elan Inc” SRL, 2010. 596 с. / Stepanov V. P. Grani identichnostej: Etnograzhdanske processy v srede nacional'nyh men'shinstv Respubliki Moldova na primere ukrainskogo naseleniya (1989–2009 gg.). Chisinau: „Elan Inc”, SRL, 2010. 596 s.

Суляк С. Г. Отношение администрации Бессарабии к проживавшим на территории губернии подданным Австро-Венгрии в годы Первой мировой войны. В: Русин, 2014, № 3(37), с. 126-141. / Sulyak S. G. Otnoshenie administracii Bessarabii k prozhivavshim na territorii gubernii poddannym Avstro-Vengrii v gody Pervoj mirovoj vojny. V: Rusin, 2014, № 3(37), s. 126-141.

Топузлу Г. Н., Анцупов И. А. Очерки истории гагаузов в XIX в. Кишинев: Б. и., 1993. 117 с. / Topuzlu G. N., Ancupov I. A. Ocherki istorii gagauzov v XIX v. Chisinau: B. i., 1993. 117 s.

Царанов В., Жаркуцкий И., Грек И., Бабилунга Н., Млечко Т., Шорников П., Суляк С. Слово об И. А. Анцупове. В: Русин, 2006, № 4(6), с. 13-49. / Tsaranov V., Zharkuckij I., Grek I., Babilunga N., Mlechko T., Shornikov P., Sulyak S. Slovo ob I. A. Ancupove. V: Rusin, 2006, № 4(6), s. 13-49.

Червенков Н. Н. Носитель научной традиции. В: Русин, 2007, № 1(7), с. 6-9. / Hervenkov N. N. Nositel' nauchnoj tradicii. V: Rusin, 2007, № 1(7), s. 6-9.

Д-р хаб. Вячеслав СТЕПАНОВ